

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документы Р. М. Боград и письма к ней Т. В. Полляк

В Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВК) хранятся дела, в которых упоминается Георгий Валентинович Плеханов. Одно из них посвящено Розалии Марковне Боград, названное: «Об участии в преступной пропаганде дочери купца девицы Розалии Боград». Несколько полицейских документов из этого дела публиковались в сборнике «Группа Освобождение Труда» с комментариями Р. М. Плехановой¹. Кроме докладов, справок и других документов жандармского делопроизводства в деле находятся записки Р. М. Боград и письма, адресованные ей, изъятые при обыске 5 января 1879 г. Дело Боград заведено было в III Отделении СЕИВК 8 января 1879 г.² Документы дела позволяют внести фактические правки в воспоминания Р. М. Плехановой.

Среди бумаг были записки Розалии своей подруге Соне³ (по всей вероятности, Чудновской) и сестре Анне⁴, жившей тогда в Митавском переулке⁵, и письма из Франции (из Монтрё) и из Италии (из Сан-Ремо) от близкой подруги по учёбе на медицинских курсах Теофилии Васильевны Полляк. В деле Боград отложился «Дневник о наблюдениях в деревне и о встречах и разговорах с крестьянами», представляющий интерес с точки зрения первого знакомства Р. М. Боград с крестьянской средой. Записки состоят из листов⁶ и носят форму бесед Боград с крестьянами. Написан «дневник» по

результатам её встреч с крестьянами в Елизаветградском уезде Херсонской губернии¹. Время его написания неизвестно, но, судя по отдельным фрагментам текста, он относится к самому началу 1870-х гг. Боград опрашивала крестьян, по-видимому, когда училась в старших классах херсонской женской гимназии. Листы «дневника», отложившиеся в деле, являются частью более значительного текста. Начальные строки первого листа показывают, что он является продолжением не сохранившегося текста, в котором содержатся беседы Боград с крестьянами, получившими после освобождения наделу землю в рамках общины. Далее на листе следуют записки разговоров с бывшими помещичьими дворовыми людьми, получившими в 1861 г. личную свободу без земельного надела.

Документ приводится по современным правилам правописания с сохранением стилистических особенностей текста. Сокращённо написанные слова воспроизводятся полностью. Встречающиеся простые цифровые дроби даются в десятичном виде. Непрочитанные слова указаны многоточием в угловых скобках. В квадратные скобки Боград помещала своё пояснение к словам крестьян.

Письма Теофилии Полляк к Розалии Боград, вошедшие в пакет изъятых полицией документов, раскрывают, по большей части, характер их личных отношений. О Т. В. Полляк и отношениях с ней Р. М. Плеханова рассказывала в одном из своих воспоминаний: «В товарищеском кругу нас называли «день и ночь». Не знаю, была ли «днем», но она, действительно, походила на малороссийскую глубокую ночь с сияющими звездами на небосклоне. Этими звездами, ярко блиставшими, были ее отзывчивость, доброта истинная, не расхлябистая, бесконечная способность отдать себя всю на благо ближнего. Здоровье ее все более и более ухудшалось и, по моему настоянию и на добытые мною средства, она уехала весной 1878 г. лечиться в Швейцарию, а оттуда, по совету знаменитого женевского профессора Цана, — в Италию. Благодаря порядочной сумме, которую я заработала в 78 году в качестве помощника врача во время Русско-турецкой войны, я могла доставить возможность Теофилии Васильевне оставаться в Сан-Ремо до весны 1879 года. Весной 1879 г. она приехала в Киев, куда я направилась, вынужденная покинуть Петербург, чтобы замести свои следы от преследований полиции. Я нашла свою подругу поправившейся, очень бодрой, полной жизненной энергии»².

Документы публикуются по копиям Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ) в соответствии с современными правилами орфографии русского языка.

¹ Группа «Освобождение Труда» (из архивов Г. В. Плеханова, В. И. Засулич и Л. Г. Дейча) под редакцией Л. Д. Дейча. Сборник № 3. М.; Л., 1925. С. 307–311.

² ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1879 г. Оп. 164. Д. 66. Обложка.

³ ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1879 г. Оп. 164. Д. 66. Л. 1а14.

⁴ Там же. Л. 1а2, 1а2об.

⁵ Там же. Л. 1а14.

⁶ Там же. Л. 1а15–1а19.

¹ РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 6.

² РНБ. АДП. Ф. 1094. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 16–23.

№ 1

**«Дневник о наблюдениях в деревне
и о встречах и разговорах с крестьянами»**

«Разговор с дворовыми крестьянами»

«Они сильно жаловались на плохое житье, которое свыше им дано. Надежда не получили, хаты, которые ими же были построены на помещичьей земле, <...> помещиками. Хозяйством при таком положении невозможно обзавестись. Скотину некуда угнать, приходится платить помещику деньгами, или отработывать за то, что скотина пасётся на зелени помещика. Штрафы, которыми облагает помещик крестьянина, если его птица, или скотина оказались на nive помещика иногда последнее <...>. Положение очень <...> при неимении своего собственного клочка земли. Это всеобщая жалоба дворовых. За хату приходится платить шесть рублей в год <...>».

На вопрос, отчего они не хлопотали о владении, или наделе тогда, когда других крестьян наделяли землей, они отвечали, что много было беспечности, больно молоды были. Другие <...> думали, что и без земли проживут, а вот теперь, как обременены семейством, то и почувствовали своё жалкое положение. «Живешь с того, что получаешь». Нанимаются, говорили, в косари, плата низкая (30 копеек косарю, 25 — работнице взрослой и 15 копеек детям), ну а плати за всё: избу, скотину, так едва успеешь свести концы с концами. «Живешь с копейки», как выражаются они. Молодые дворовые, которым не больше, чем по тридцати лет, решили хлопотать о выделе им надела: <...> они обратились к «облакату», какому-то отставному солдату, выхлопотавшему солдатам <...> землю. Заключение с ним условие, по которому обязались ему дать 150 рублей, когда он выхлопочет им землю, причем они вперед ему дали 70 рублей. Если же хлопотать будет плохо, то он должен им возратить деньги, удержав то, что издержал. В волость дворовые не хотели подать, мотивируя тем, что волость выберет какой-нибудь участок далеко, а может и плохой, негодный и потом заставит их насильно переселиться. С обществом дворовые сильно не ладили. «Как нужно, — говорят, — за что-нибудь подать, то общество к ним не обращается, <...> говорят дворовые, что цыгане, полдня <...> здесь, завтра <...> где <...> могут очутиться, а как взять что-нибудь надо, так, небось, так давай, да и только». Так в слободе строили церковь, денег на расходы собираючи с крестьян, причем общество требует одинаковые деньги, как у своих членов, так и с дворовых по рублю. «Но мы, — говорят дворовые, — скорее всего не останемся здесь, и так что церковью и недолго нам пользоваться, да и тому знаем мы, что здесь не рублем — тремя, али больше <...>, чего же нам не давать». А после они отправили <...>: шесть, из своих, к непременно члену для переговоров. Если у него им суд откажет, то они подадут исправнику. «Пятьдесят копеек мы согласны платить, не больше, не согласились, то ничего не дадим», твёрдо решил один из них, который, по видимому, имеет влияние на остальных и пользуется большим уважением. Он

жаловался на то, что крестьяне не отстаивают своих интересов, не умеют вести дел, «потому, — говорил Юрья, — не грамотные, не толковые, слово молвить боются». Ведение дел при общинном владении им понятно: по их уму оно гораздо выгоднее. На вопрос, от чего бы им не соединиться и не взять в аренду у казны, аль у помещика, землю сообща на выплату, они отвечали, что, во-первых, все лучшие земли заняты арендаторами, или помещиками, во-вторых, нужен капитал, чтоб заплатить за ту в казну, или помещику, а они все голы; да к тому, что аренда не то собственность, «там знаешь, себе построишь хату, она и твоя, волен делать, что угодно, а на арендуемой земле строить то не выгодно, пройдет срок, и все пропало».

Арендуют они у помещика две — три десятины и платят по 3–4 рубля за десятину. Земля отдается им худшая. Жаловались крестьяне также на сильное истощение земли, которая, при скудости количества, не удобряясь каждый год, засеивается, и, в конце концов, сильно истощается, сильно так, что и в урожайный год у мужиков меньше народится на десятине, чем у помещика. Число четвертей¹, получаемые с десятины в урожайный, доходит до 10. Среднее число четвертей, получаемые с десятины, равняется — 3.

Разберём доходы, получаемые с земли крестьянина <...>, наделенного землей, и дворовыми. Всего надела 3 десятины. Средняя плата за четверть хлеба, приблизительно, будет 4 рубля 50 копеек. Следовательно, средний валовой доход равняется — 39 рублей 50 копеек. За исключением податных денег, а именно, — 12 рублей 70 копеек, расхода на посев в 9 рублей, считая по 3 рубля с десятины, с некоторым расходом требующимся обработкой — 2,5. Остаётся крестьянину 15 рублей 30 копеек, или, если перевести на четверти, то 3,5 четверти на домашние расходы. Для удовлетворения надобностей в предметах необходимости надо 2,5 четверти на человека. Если считать семейство состоящим из 4-х человек, двух работников и двух малолетних, то получается дефицит 10 (3,5 + 6,5) четвертей. О пополняемой поденной работе, занятиями ремеслом, тканьем. Впрочем, о пополнении — после.

Дворовый крестьянин берёт в аренду три десятины. Средний валовой доход, также как и у поселян, будет 39 рублей 50 копеек, за вычетом подати в 2 рубля, расхода на посевы 9 рублей и других расходов на обработку и арендной платы, считая плату за десятину в 3 рубля. Итого, получаем всего расходов — 22,5 рубля. Остаётся крестьянину 17 рублей, или, если перевести на четверти, то приходится 3,25 четвертей семейству, состоящему из двух взрослых работников и двух малолетних. Число четвертей нужное на душу для удовлетворения потребностей в итоге в пище и обуви будет 3 четверти, следовательно, семейству понадобится 12 четвертей. Итого, дефицит в 8,25, пополняемым, также другими доходами.

Доходы семейства, наделённого землей и не арендующего, в котором 2 работника, если считать за год 200 рабочих дней для мужчины работника и 30 для

¹ Четверть — мера веса сыпучих тел, в том числе зерна и крупы, применяемая в XVIII–XIX веках. Одна четверть равнялась 131,5 килограмма (8 пудов) и складировалась в один куль.

женщины, то получим <...>, если перевести на четверти, 13,5 четвертей. По отнятии 2 четверти, требуемые с жилища и подати, остаётся 11 четвертей на удовлетворение нуждам?? Поправка.

Из разговора с дворовыми крестьянами выясняется взгляд их на чиновников, собирающих повинности, и вообще, на администрацию. Волостным писарям и <...> они очень не доверяют, говоря, что они злоупотребляют своими обязанностями, требуя с них часто податей больше, чем следует, причем эти власти пользуются неграмотностью мужиков, которые сами прочесть устава о податях не могут. На вопрос, отчего они, мужики, не выбирают честного человека из их среды при выборе старосты, ведь выбор от них же зависит? «Все они хороши, пока не состоят на службе, а как поступят на службу, то только и заботятся о пополнении карманов». «Отчего ж не жалуетесь на мошенничества старосты?». Ответом на этот вопрос, — что для жалобы деньги нужны, а то и не допустят к подаче, а где их взять? «Вот уже в течение десяти <...> квитанции в получении от нас подати не получили. Бог весть, может, и все деньги отпустили себе в карман?» На обязанность, налагаемую по очереди на каждого из крестьян собирать подати, крестьяне смотрят, как на кару Божью. «Нельзя же драть из своих шкуру, а как нет возможности собрать всю подать, что делать? Но старшина не берет во внимание: не успеешь собрать податей, то и знай, что приколотен будешь и холодной не минешь». Вообще, в высказываниях, или в «замедах» проглядывало сознание того, что высокие должности не по глубоким заслугам, а так себе, по протекции, или каким-нибудь внешним качеством, вроде танца. Так, один высказался, что губернатору N дали должность за искусство в танцах.

На волю они смотрят, как на дар временный и причину этого события видят они только в личных качествах царя. «Наступит на престол другой, и Бог его знает, захочет и опять барщину введет». На вопрос, может ли он это сделать, если чернь этого не захочет. «Да что, насиловать будут». Здесь выяснился, отчасти, взгляд крестьян на саму чернь. Согласие того, что он, престол, сидел на черни. «Престол держится на черни, а чернь должна подчиняться», — высказал один. Я не заметила, что проглядывало в словах этих, глубокое ли убеждение, или ирония.

Событие 4-го апреля 1869 г.¹ им известно. Также на вопрос [отвечали что] событие парижское. На вопрос, какова может быть причина этого события, и кем совершено это преступление, последовал ответ: «помещиком, или поляком». «Помещикам то, чего недовольным за освобождение крестьян. А они ведь выкуп большой получили». «Да что, выкуп все-таки не то, что иметь людей, которые работают на тебя, а ты знай себе сиди, да получай; не то теперь: как пришлось за дело взяться, то и почувствовали, что лихо, а разорились же они как, и последовали указания на примеры».

ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция, 1879 г. Д. 66. Л. 1а15–1а19.

¹ Покушение польского эмигранта Антона Березовского в Париже 6 июня 1867 г. на русского императора Александра II.

№ 2

Письма Т. В. Полляк — Р. М. Боград

Montreux¹, 1-го Ноября 1878 г.

Дорогая моя, милая Розочка!

Только что я стала беспокоиться, что больше недели не получаю от тебя письма, как мне приносят письмо, да еще с карточкой. Не стану тебе описывать моего восторга при виде твоей карточки (я уже верно порядком тебе надоела своими излияниями); ты так хорошо, живо, естественно вышла, ты такая милая, хорошая, славная, точно ты пред моими глазами! Только выражение лица твоего напомнило мне то состояние твоей души, которое всегда так болезненно отзывалось во мне: ты ведь не просто думаешь, а страдаешь! Святая моя, славная Розочка! Целую твою карточку и мысленно тебя! Но каково же было мое удивление, когда я взялась за письмо и, вместо твоего письма, читаю письмо какой-то Розы Боград к тебе. Хотя я знаю твою рассеянность, но внутри все-таки что-то копошится и не дает мне покоя: а может с тобою что-нибудь случилось, а может, ты нездорова? Напиши же, моя дорогая, сейчас, чтобы мне опять не мучиться как тот раз. На днях я уезжаю отсюда в С. Ремо (в Италию); здесь последнюю неделю стояла такая скверная погода, что просто беда: дождь, снег, ветер. Я бы еще раньше уехала, но я так глупо распорядилась со своими деньгами, что они до сих пор лежат в Париже; думаю, что на днях получу их. Я получила от Маркуса письмо; он поступил в Киевский университет на медицинский факультет². Пишет, что ужасно много работы, экзамены по всем предметам и что на 1-м курсе положено пройти всю анатомию и химию, что, я думаю, он преувеличивает, как все первокурсники. Но что меня сильно беспокоит, это то, что он постоянно болеет, и у него уже тоже что-то с легкими неладно. В его возрасте (ему 19 лет), при усиленных занятиях, после окончательного экзамена, да еще при той беспорядочной жизни, которая ведется большей частью молодыми людьми — это может кончиться гораздо хуже, чем у меня. Мы, женщины, хоть в одном отношении поставлены в лучшие, хотя и ненормальные, условия. Мне бы очень хотелось, чтобы он бросил на этот год университет и приехал сюда на зиму — вместе нам бы немногим дорожке обошлось, и между прочим, если у него еще и нет ничего серьезного, он бы за зиму здесь окреп. Но дело в том, что он в будущем году подлежит воинской повинности, и ему могут не выдать паспорта. Я написала ему об этом. Как ты находишь мой план?

¹ Монтрё (Франция).

² Маркус Полляк (1859 г.—?), брат Т. В. Полляк, в 1878 г. поступил на медицинский факультет Киевского университета. В 1881 г. перевелся в Одессу в Новороссийский университет. С начала 1880 г. был причастен к деятельности в Киеве «Южно-русского рабочего союза». Арестован в 1882 г. и помещен в Киев в Лукьяновскую тюрьму. В 1883 г. был выслан в Восточную Сибирь // ГАРФ. Ф. 102. 3 дел-во, 1882 г. Оп. 78. Д. 350. Л. 8–90б.

Здесь новости тебе, вероятно, уже известны: закон против социалистов принят, и в первый же день был запрещен самый важный орган этой партии «Свободная пресса». Кроме того, 38 других изданий. Закрыты также многие рабочие союзы и ассоциации. Германия обратила теперь на себя внимание всего света, очень любопытно, что будет дальше, теперь он вступает совсем на новую почву: из открытого, делается тайным. Все предсказывают ему там торжество в недалеком будущем.

В Париже недавно разбирался процесс 39 социалистов рабочих, большая часть рабочие (3 работницы), несколько публицистов и один студент — медик. Происхождение процесса следующее: в Париже должен был состояться рабочий, социалистический конгресс. Его запретили, тогда эти 39 подсудимых, основываясь на законе, который признает всякий частный дом, частное собрание неприкосновенным, наняли частное помещение и устроили совершенно частное собрание. Когда же нагрянула полиция, то они, основываясь на этом законе, не захотели ее впустить. За это одного из них, который стоял у двери, обвинили еще в сопротивлении власти и в драке. Прокурор в своей обвинительной речи требовал, чтобы все обвиняемые были наказаны, чтобы, таким образом, воспрепятствовать утверждению во Франции тех идей, которых они представители, и новому возбуждению. Подсудимые все держали себя очень хорошо, никто не отрицал своего участия, но никто не признал себя виновным на том основании, что они действовали на основании закона. Одного спрашивает президент: «Вы были членом Интернационала?» — Отв.: «не существует никакого членства в Интернационале, чтобы принимать участие в этом обществе не нужно подвергаться никакой предварительной церемонии. Я действительно принимал участие в Интернационале; я был в Швейцарии, не зависел больше от французских законов и потому имел право так поступать». Другой, спрошенный об его участии в конгрессе, отв.: «были различные конгрессы. Я принял участие в этом, не думая, чтобы более запрещено было участвовать в одном, чем в другом». Всех подсудимых осудили, начиная с 6-ти месяцев заключения и 200 т. фр. штрафа и кончая 8-ю днями ареста и 25 фр. штрафа.

Не можешь ли ты устроить, чтобы кто-нибудь из знакомых, кто выписывает русскую газету, высылал ее по прочтении каждый день по следующему адресу: Во Францию, Монпелье. Villa aux roses itoile bleue. Aux arceaux du Peyrou. Chez M-r Giss. Montpellier (France)¹. Это один мой знакомый, человек несостоятельный и которому хочется знать, что в России делается. Я обещала это ему устроить; только кто возьмется, пусть уже высылает аккуратно. Это всего будет стоить 2 коп. с номера под бандеролью. Пиши мне пока poste restante в Италию. Italie. San Remo, Riviera di Genova. M-lle Pollak². Целую тебя крепко, моя сердечная, пиши, пожалуйста, почаще. Твоя Теофилия.

Так ли твой адрес, как было написано на конверте: Конногвардейск. ул. дом 6. кв. 5. ? Я не решаюсь послать письмо по этому адресу, так как по рассеянности можно было и это перепутать.

¹ Вилла с синими розами... к аркам Пейру. У месье Гисса. Монпелье (Франция) (фр.).

² До востребования. Италия. Сан-Ремо. Ривьера. Побережье Генуя. Модмазель Полляк (фр.).

№ 3

Montreux. 2 Ноября 1878 г.
(Дата по европейскому календарю)¹

Только что, дорогая моя, получила твоё письмо с деньгами. Меня очень удивляет, что ты не получаешь моих писем: на каждое твоё письмо приходится моих, по крайней мере, два — три. Очень жаль будет, если пропадет последнее мое письмо; я тебе там сообщаю некоторые не без интересные для тебя сведения. Интересно было бы, если бы сообщала всегда от какого числа ты получила письмо, по крайности я бы знала, какое пропало. Теперь, раз мне уже известен твой адрес, я буду посылать тебе не оплаченные письма; хотя это и не выгодно для тебя, но зато и почте невыгодно, чтобы такое письмо пропало: платить каждый раз 16 коп. Хорошая моя, если бы ты, хоть в половину была так аккуратна в письмах, как ты уже через чур аккуратна в деньгах: не успею я еще прожить одни деньги, как ты уже присылаешь другие. Теперь ты, впрочем, очень кстати прислала; они мне совсем не нужны, я получила нынче из Парижа 160 фр. которых мне хватит и на дорогу, и на первое время; но так как я еду в совершенно новое, неизвестное мне место, то всегда лучше иметь лишние деньги. Ты себе представить не можешь, как мне неприятна эта предстоящая поездка в Италию, без знания языка; в таком положении мне еще не приходилось быть. Но все-таки я думаю, что с помощью французского, немецкого, да книжки, я как-нибудь пробьюсь, главное — первое время, пока устроишься. Из многочисленных справок через знакомых все-таки оказывается, что в Ментоне меньше, чем на 100 р. жить нельзя. Поэтому я еду пока в С. Ремо (в климатическом отношении это все равно); там жил в прошлом году мой знакомый, и ему удалось устроиться не в пансионе, не дорого. Попытаюсь и я. Правда их жило двое. Между прочим, вот что: знакомые знакомых пишут, чтобы я поехала в Ментону, там разыскала по адресу Кафиеро², который мне поможет устроиться. Я вспомнила, что ты в приятельских отношениях с Кутузовой³; если бы ты взяла от нее письмо к нему, в котором она бы его попросила это сделать мне, то совсем вышло бы другое дело. А то я приду к нему, он меня не знает, знакомая через десятые руки. Я думаю, что это тебе не трудно будет устроить, тогда я бы переехала в Ментону (это всего, кажется, на расстоянии часа езды).

Только что получила от отца предлинное послание, которое меня страшно возмутило. Как я не стараюсь отнестись к нему снисходительно, но он мне положительно противен. Сплетни, мерзость! На Розу несчастную напустился, на-

¹ На конверте письма стоит адрес: «Петербург, Пески, Конногвардейская улица, дом № 60, квартира 5, Розалии Марковне Богград» и штамп «Монпелье. 3.11.78» // ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1879 г. Оп. 164. Д. 66. Л. 1а10.

² Кафиеро — итальянский революционер-бакунист, муж О. Е. Кутузовой.

³ С Олимпиадой Евграфовной Кутузовой-Кафиеро Р. М. Богград познакомилась летом 1877 г. в селе Широкое Николаевского уезда Самарской губернии, где работала фельдшерницей. Там же намеревалась работать фельдшерницей и Кутузова-Кафиеро.

зывает ее «наша желанная фельдшерница». Если бы оно не было так длинно, я бы тебе его послала: и смех и злость разбирает. С домом этим несчастным все еще не порешили: никак не поделятся. Через три дня еду; перед отъездом вышлю тебе карточку. Чувствую себя теперь довольно хорошо. Свое решение насчет экзамена я тебе уже давно писала: я приеду весной. Чтобы переход не был очень резок, я в марте, когда там уже становится очень жарко, уеду в место более прохладное; в Питер постараюсь приехать, когда лед пройдет и настанет тепло и вообще предприму все меры предосторожности.

Будь здорова, моя славная, дорогая! Еще раз спасибо за карточку и письма; ты себе не можешь представить, какая это для меня радость. Целую и обнимаю тебя крепко, считаю каждый день, который приближает меня к свиданию с тобой. Любящая тебя Теофилия.

Поцелуй за меня Аннюту¹. Как она себя чувствует в Питере? Как ты ее теперь находишь, какое влияние на нее имела питерская жизнь? Кланяйся всем знакомым. Пиши мне *poste restante* в Италию. San Remo². Пиши, хоть первое время, почаще, а то приедешь туда, без знакомых, без языка и если еще не буду получать писем, то совсем с ума сойду.

№ 4

Sanremo 3-го Января 1879 г.

Роза, дорогая моя, хорошая!

Уж я не знаю, что и предпринять, что придумать, чтобы получать почаще известия, по крайней мере, о твоём существовании. Но все мои жалобы, просьбы и описания своего, поистине мучительного, состояния, ты отвечаешь еще более продолжительным молчанием. Я боюсь тебе надоесть своими излияниями (ты с нетерпением пробегаешь мое письмо: «опять, тоже самое»), но, друг мой, дорогой, я не могу заставить сердце не биться, ни совладать со своими нервами; при каждом замедлении письма тоска гложет меня и что-то такое копошится внутри, что не дает мне покоя. Пойду я гулять, мне сейчас представляется вопрос, — что же теперь делает моя Розочка? Быть может, в то время, когда я себе тут разгуливаю, благодушествую ... и картины, одна другой начинают проходить предо мною. Такие же вопросы отравляют мое существование за обедом, перед сном — я не могу забыть! Последнее письмо твое получила 24-го Декабря, а нынче уже 3-е Января! Посуди сама, что я должна испытывать, особенно ввиду постоянных, весьма неутешительных газетных известий из Питера. В прошлом письме ты писала, что высылаешь газеты и программы; ни тех, ни других я не получила. Конечно, это может быть простая неаккуратность, но рядом с неполучением письма у меня комбинируются различные представления. О, дорогая, славная моя, если бы ты могла быть здесь, видела бы мои мучения, я уверена,

ты бы не стала делать этого! Когда уже будет конец моему испытанию! Не желаю никому быть в моей шкуре: оставить все дорогое, все привязывающее тебя к жизни и поехать за тридевять поправлять свое здоровье, которое — страшно становится при одной только мысли, стало бы тогда только в тягость. Здесь уже люди живут в новом годе, у Вас тоже скоро будут его праздновать.

С новым годом, говорят, новое счастье. Друг мой, святая моя, шлю тебе издалека мои горячие поцелуи и объятия, а также мое страстное пожелание быть счастливой. Впрочем, для твоего счастья очень много нужно, и не так скоро оно может осуществиться. По крайней мере, спокойствие душевное и осуществление твоих стремлений. Для меня же в настоящее время все равно, что старый, что новый год, я буду его праздновать, когда приеду в Россию, в твоих объятиях, у твоей груди ... Да, моя сердечная, добрая Розка, я тогда, наверное, буду счастлива. Умоляю тебя, моя неоцененная, пиши почаще, давай, по крайней мере, знать о своем существовании, чтобы я могла быть уверена, что за все мои испытания и муки одиночества я действительно увижу тебя, мой единственный друг!

Твоя Теофилия

Кланяйся Анюте и всем знакомым; посылаю им всем мои лучшие пожелания. От отца получила письмо, он опять ударился в нежность, собирается выслать 100 р., так что ты пока не посылай денег. Маркус пишет мне теперь довольно часто; у меня опять мелькнула надежда, что с него выйдет порядочный человек. Его отношение ко многим жизненным явлениям, хотя довольно наивное, но чистое, хорошее. Мне бы ужасно хотелось, чтобы ты познакомилась с ним, на это знакомство я возлагаю большие надежды: я убеждена, что достаточно пробыть короткое время с тобою, чтобы все хорошее, что только есть в человеке, выплыло, проявилось.

Нынче уже 4-е. Напрасно я схватилась с постели еще при свечке: почтальона нет!

ГАРФ. Ф. 109. 3 экспедиция, 1879 г. Д. 66. Л. 1а 3—1а 9об.

* * *

¹ Сестра Р. М. Боград — Анна.

² До востребования. В Италию. Сан-Ремо (фр.).